

Глава 19. Весна (Конец первого мира)

Ци Цзю пробуждался неспешно.

Машина летела по трассе — они уже давно были в пути. Е Байлан сдержал слово: автомобиль и впрямь оказался превосходным. Это не был один из тех вычурных спорткаров с низким клиренсом — статусных, роскошных, но совершенно неудобных. Ци Цзю, с его длинными конечностями и высоким ростом, мог теперь вытянуться во весь рост. Простор салона позволил ему наконец расслабиться, и он невольно издал тихий вздох облегчения.

Этот едва слышный звук, затерявшийся в рокоте мощного двигателя, Байлан уловил мгновенно. Он нашел место для стоянки, притормозил и, перебравшись с переднего сиденья назад, осторожно сжал ладонь Ци Цзю.

— Брат, что-то не так?

— Всё хорошо, — Ци Цзю лениво коснулся пальцем ладони волчонка. — Только не останавливайся где попало. Помни главное правило: безопасность превыше всего.

Байлан поджал губы и прижался лбом к лицу брата.

— Хорошо.

Он выбрал для остановки тихое, уединенное место на обочине безопасного съезда. Этому тоже научил его Ци Цзю: держаться подальше от опасностей и беречь силы. Е Байлан запомнил каждое наставление, и потому их побег был столь тщательно спланирован и проходил так гладко. Всё шло по плану, поэтому Ци Цзю спал безмятежно, а проснувшись, чувствовал себя вполне комфортно.

Байлан, согретый этим осознанием, ощутил в груди слабое тепло; на его бледных щеках выступил едва заметный румянец. Он бережно распахнул пальто брата, забрался внутрь и, свернувшись калачиком, принялся легонько тереться головой о свободную руку Ци Цзю.

Тот, забавляясь ласками волчонка, ласково взъерошил его волосы.

— Где мы сейчас?

— В лесу, недалеко от пригорода, — Байлану не нравилось это место. Он боялся, что Ци Цзю захочет выйти здесь, и потому прошептал: — Тут плохо, брат. Давай поищем другое место.

В этих лесах водились гиены и россомахи, здесь текла ледяная река, а снег мог стать чьей-то могилой. Когда-то... Ци Цзю уже падал здесь.

Впрочем, Ци Цзю и не собирался выходить; он всё еще грезил сном в роскошном отеле. Почувствовав меланхолию Байлана, он ободряюще похлопал его по спине.

— Как скажешь. Поищем другое.

— Мы не будем спешить, — продолжал Ци Цзю, мерно поглаживая вздрагивающего волчонка.
— Поедем на север. Я назову тебе несколько мест.

Байлан, уткнувшись в его грудь, послушно кивал, запоминая каждое название, каждый поворот маршрута. Тело Ци Цзю почти не грело, но запах горьких трав и антисептиков за время их пути стал слабее, уступая место его истинному аромату. Байлан зажмурился, жадно впитывая этот запах.

Он никогда не бывал в тех краях, о которых говорил брат. Но он догадывался: там их ждут бескрайние, полные жизни леса, яркое солнце и вольный ветер. Всё то, чем был Ци Цзю до того, как Байлан запер его в своей клетке.

— Волчонок, — внезапно заговорил Ци Цзю. — Я ведь никогда тебе об этом не рассказывал?

Байлан вынырнул из своих мыслей и открыл глаза, поправляя подушку под спиной брата.

— О чем?

Ци Цзю откинулся на мягкую опору, продолжая мерно похлопывать его по руке. На мгновение на его лице отразилось легкое, почти беззаботное сожаление о чем-то несбывшемся.

— Я ведь мастерски лазаю по деревьям, — признался он. — Дай мне страховочный трос, и я бы вмиг поднялся на семидесятиметровую высоту и спустился обратно.

А карабкаться по стенам зданий, к слову, куда проще, чем по деревьям. Ствол такого исполина невероятно толст, за него трудно ухватиться. С высотками иначе: там на каждом балконе есть решетки или выступы.

Байлан не ожидал такого признания. Пораженный, он замер и поднял на брата взгляд. Ци Цзю продолжал ласково гладить его, задевая кончиками пальцев ресницы волчонка.

— А значит...

А значит, никакой «клетки» никогда не существовало. Если бы Ци Цзю тогда захотел уйти, он мог бы сделать это в любую секунду. Худшее, что могло случиться — он стал бы героем местных курьезных новостей: «Таинственный мужчина спустился по стене небоскреба голыми руками», «Проголодавшись на полпути, он вернулся обратно перекусить».

При таких обстоятельствах слово «запер» звучало бы по меньшей мере неточно. Правильнее было бы сказать иначе. Ци Цзю сам решил остаться. Просто потому, что в какой-то момент ему захотелось выходить этого волчонка. Он добровольно остался рядом, чтобы своими руками вырастить этого израненного зверя, что скалился и топоришил шерсть при его приближении.

— Давай сразу договоримся о правилах нашего отпуска, — Ци Цзю тщательно подбирал слова.
— Ты не должен постоянно об этом думать. Иначе не получится по-настоящему отдохнуть.

Байлан вздрогнул, когда палец Ци Цзю коснулся его виска, и лишь спустя мгновение его грудь начала мерно вздыматься. Он был умен, обладал поразительной интуицией, к тому же Ци Цзю долго и терпеливо наставлял его. Он прекрасно понял, что именно хотел сказать брат.

— Но ведь...

Ци Цзю, почувствовав, что сползает, прервал его:

— Неси меня.

Байлан очнулся и тут же крепко обхватил Ци Цзю, стараясь устроить его поудобнее. Но это была лишь маленькая ловушка. Стоило Байлану подставить плечо, как Ци Цзю резко перенес вес, навалившись на него всем телом. Их грудные клетки оказались плотно прижаты друг к другу; рука Ци Цзю легла на затылок Байлана, мягко, но властно фиксируя его.

— Что «но»? — Ци Цзю легко удерживал волчонка, соприкоснувшись с ним лбом. — Ты и вправду веришь, что это ты поймал меня?

Байлан не шевелился и не мог вымолвить ни слова. Дыра в его груди никуда не делась, но сердце Ци Цзю билось так близко, что его ритм отдавался в его собственном, онемевшем от холода сердце.

...Он не мог поймать Ци Цзю. Даже сейчас, когда брат был так слаб... Если бы Ци Цзю решил выйти из машины или просто уснуть навсегда прямо здесь, в этом лесу, Байлан не посмел бы возразить. Он мог лишь ждать — это было единственное, чего Ци Цзю не мог ему приказать. Он бы спрятался и ждал, пока брат уснет, а затем лег бы рядом, позволяя снегу укрыть их обоих. Без дозволения Ци Цзю Байлан не смел даже обнять его.

— Ты — мой «счастливый билет», забыл? — в голосе Ци Цзю послышалась ленивая, хриплая усмешка. — Я сам тебя выбрал.

Успокаивая свой «счастливый билет», он продолжал мерно поглаживать Байлана по спине, поочередно загибая пальцы:

— Кормилец, страховка, водитель, кислородный баллон...

На последнем слове Байлан коротко и горько усмехнулся. В его глазах не было веселья; он лишь бережно поднял Ци Цзю и медленно выпрямился.

— Куда мне до баллона.

Ци Цзю понял, что на сегодня воспитательных бесед достаточно, и, закрыв глаза, потянулся:

— Ладно.

Байлан не хотел выпускать его из рук. Он осторожно уложил брата, надел на него кислородную маску и снова прижался лбом к его холодной шее. Рука Ци Цзю медленно соскользнула вниз, и Байлан тут же перехватил её, принимаясь бережно разминать мышцы, пока каждая клеточка не расслабилась.

...Ци Цзю гладил его по спине, пока не исчерпал последние силы. Пока не убедился, что Байлан запомнил ритм дыхания, спасающий от приступов удушья.

Е Байлан опустил взгляд на свою грудь. Зияющая пустота была заполнена стараниями Ци Цзю; и пусть «ремонт» был сделан наспех и кое-как, дыра больше не кровоточила. Теперь, когда он дышал, боль в костях больше не была такой невыносимой. Ци Цзю научил его, как справляться с этой пустотой. Байлан не хотел учиться, но если брат считал это необходимым — он выучит. Он не допустит, чтобы труды Ци Цзю пропали даром.

— Брат, — Байлан уже твердо выучил маршрут. — Мы едем дальше.

Он был пойман и приручен.

— Мы едем на Север.

Они следовали по пути, указанному Ци Цзю. Байлан вызубрил каждое слово их плана и строго придерживался его — так в его жизни начали появляться вещи, о которых он прежде и не помышлял. И пейзажи, которых он никогда не видел.

Они посетили термальные источники под открытым небом, окруженные густым искусственным лесом, где звенели голоса птиц. Посреди купания Ци Цзю сморил сон, и он, используя плечо Байлана вместо подушки, сладко уснул. В воде было скользко, и Байлан, боясь уронить брата, сидел неподвижно, наблюдая, как ссорятся сороки с ласточками. Он запомнил эту сцену и пересказал её Ци Цзю, когда тот проснулся через два дня по пути к новой цели.

Ци Цзю слушал лениво, подперев голову рукой. Несколько раз их прерывал писк монитора, но

Байлан, запинаясь и подбирая слова, старательно довел рассказ до конца. Ци Цзю с самым серьезным видом принялся учить его, как в следующий раз раззадорить птиц, чтобы собрать целую стаю и посмотреть на настоящую потасовку. «Учитель Ци» даже наградил Байлана «медалью» — отпечатал на его тыльной стороне ладони кружок от крышечки лекарства, похвалив за красноречие.

Они договорились: если они снова увидят ссору птиц, Ци Цзю обязательно проснется, чтобы посмотреть. Весь остаток пути Байлан девятнадцать раз пытался спровоцировать конфликт между сороками и ласточками, но тщетно. Единственным результатом стало то, что стая сорок преследовала их машину семьдесят километров, в отместку заклевав краску на капоте.

Они гуляли по лесным тропам, дыша чистым воздухом, поднялись на невысокую гору и пролетели над каньоном в кабине канатной дороги. Байлан и не подозревал, что мир может быть таким удивительным. Когда они плыли в тумане над пропастью, казалось, что они попали в какой-то прекрасный загробный мир. Ци Цзю, вечно сетовавший на отсутствие у волчонка вкуса, на этот раз не выдержал и велел ему купить сборник «изящных фраз», чтобы заменить сомнительный комплимент «красиво, будто мы умерли» чем-то более уместным. И хотя Ци Цзю ничего не видел, он был твердо уверен: работник парка, услышавший слова Байлана, вряд ли разделит его восторг.

Байлан лишь теснее прижимался к брату, пряча улыбку в воротнике его пальто. Он пообещал купить книгу, но позже — сейчас у него не было на это времени, он должен был следовать за Ци Цзю в их приключении. Брат вел его по дорогам, которых он никогда не знал, открывая виды, которых он никогда не видел. Гора, на которую они взошли, была невелика, но на её вершине на душе становилось так, как и обещал Ци Цзю — просторно и ясно. Настолько просторно, что хотелось просто шагнуть вниз.

Ци Цзю, вновь сраженный «поэтичностью» волчонка, лишь сокрушенно вздохнул. Байлан смеялся почти до икоты, сидя под деревом и крепко обнимая укутанного в плащ брата. Когда смех перешел в кашель, Ци Цзю ледяными пальцами мягко коснулся его щек, шеи и ушей, бережно стирая слезы.

— Не вздумай, — прошептал он. — Жди ворону, волчонок.

Байлан не понял смысла этих слов. Но он всегда слушался брата: если Ци Цзю запретил прыгать — значит, он останется на земле. Возможно, брат боялся высоты, или его пределом были те самые семьдесят метров. А если когда-нибудь он всё же решит прыгнуть, Ци Цзю не сможет спуститься с небес, чтобы подхватить его.

Они добрались до легендарной деревни на краю севера, чтобы увидеть полярное сияние. Для Ци Цзю в этом уже не было особого смысла, но он хотел показать это Байлану. И Байлан

смотрел. Он даже купил тот самый сборник фраз, готовясь к «экзамену» брата.

Но книга не пригодилась. Тот, кто обещал объяснить ему физику света и художественную ценность сияния, не смог проснуться вовремя. Это был первый раз, когда Байлан никак не мог разбудить Ци Цзю. Он сжимал его в объятиях, раз за разом звал по имени, пока голос не превратился в кровавый хрип. Ци Цзю дышал едва заметно, его сердце билось неровно, а лицо стало прозрачно-белым.

Лишь когда последние всполохи сияния начали гаснуть, Ци Цзю медленно открыл глаза. В их тусклой янтарной глубине отразились прощальные огни неба и привычная ласковая усмешка. Байлан прижал ладонь брата к своей щеке. Ци Цзю не стал читать лекций. Наука его больше не интересовала.

— Е Байлан...

Он произносил это имя медленно, шепотом рассказывая, что полярное сияние — это души людей. Оно вспыхивает тогда, когда души просыпаются и выходят посмотреть на огни в тех местах, где почти не ступала нога человека. Это была сказка, в которую не поверил бы и ребенок, но Байлан послушно кивнул:

— Верю.

Ци Цзю дернул его за ресницы:

— Врешь ведь.

Байлан через силу улыбнулся и понес брата в дом. Сияние исчезло, оставив лишь бездонный черный купол неба.

— Верю.

Ци Цзю, раздосадованный своей неудачей, пять минут не позволял Байлану приближаться к себе, притворяясь бездыханным телом, но волчонок всё равно забрался к нему в постель, не давая уснуть своими ласками.

— Брат, — голос волчонка был совсем севшим, он преданно заглядывал ему в глаза. — Я правда верю.

Ци Цзю лениво приоткрыл веко:

— Ты же сам говорил, что детей не обманешь.

— Я не ребенок, — ответил Байлан. — Поэтому верю.

Ци Цзю на мгновение замер, и Байлан тут же воспользовался моментом, чтобы юркнуть под одеяло и снова превратиться в живое дополнение к брату. Ци Цзю медленно гладил его по волосам, касался шеи, похлопывал по спине.

— Волчонок... — позвал он, но не продолжил, лишь мерно, убаюкивающе касался его лопаток.

Байлан прятался в его объятиях, намереваясь дождаться, пока уснет брат, но несколько бессонных ночей дали о себе знать: под лаской Ци Цзю он сам провалился в тяжелый сон.

«Полярное сияние — это души...» — успел подумать он. Ци Цзю сказал — значит, так и есть. Если такова была его воля, то Байлан будет приходить сюда каждый год. Он будет смотреть на небо и зажигать здесь вечные лампы.

Они останавливались в лучших отелях. Когда Байлан впервые забронировал президентский люкс, ему потребовалось полчаса, чтобы просто обойти все комнаты с Ци Цзю на руках. Ничего не поделаешь: кто-то из них тоже был здесь впервые и непременно хотел ощупать каждый угол. В тот день физическая нагрузка Байлана достигла безумных пределов — он совершил почти две сотни приседаний с братом на руках.

Но здоровье Байлана начало восстанавливаться. Под надзором Ци Цзю он хорошо питался, много тренировался и дышал свежим воздухом. К тому же... его «груз» становился пугающе легким. Когда Байлан поднимал Ци Цзю, его почти невесомое тело заставляло сердце сжиматься от ужаса. По ночам он часто просыпался в холодном поту, не чувствуя привычного веса в своих руках. Но Ци Цзю был рядом — в кислородной маске, с ровным, тихим дыханием.

Байлан привык прислушиваться к его сердцебиению по ночам. Иногда Ци Цзю ловил его на этом и сурово оттащивал за воротник, прогоняя подальше. Байлан, изгнанный на целых три сантиметра, лишь радостно улыбался и принимался расспрашивать брата, что тот хочет заказать на завтрак. Он уже разведал обстановку: в ресторане подавали отличные бургеры, а бармен мог приготовить клубничный мохито.

Это стало их первым разочарованием в поездке: на следующий день Ци Цзю не проснулся. И на третий — тоже. Байлан прожил в люксе неделю. Ци Цзю пришел в себя лишь на седьмой день; едва открыв глаза, он прислонился к его плечу, дважды постучал пальцем по ладони и снова впал в забытие. Это был их тайный знак: пора двигаться дальше. Байлан оформил выезд, прихватив с собой бургер и порцию клубничного мохито. Он коснулся губ Ци Цзю едой и с помощью пипетки дал ему капельку напитка, чтобы тот почувствовал вкус.

Это было второе разочарование. Байлан и сам пригубил мохито — вышло совсем не так вкусно, как готовил Ци Цзю.

И вот теперь они оказались в глухом горном лесу.

— Брат, — Байлан нес Ци Цзю на спине, тяжело ступая по бездорожью. — Мы совершили ошибку.

Ци Цзю прижимался к его спине, лениво положив подбородок ему на плечо.

— М-м?

— Ошибку, — повторил Байлан. — Мы забираемся всё дальше на север.

Там, позади них, на дорогах уже должна была зацветать весна. Но они мчались слишком быстро, преследуя уходящую зиму. Если бы не это, они бы уже давно встретили тепло. Ци Цзю не задумывался об этом, но теперь понял, что Байлан прав.

— Вот же черт...

Он редко позволял себе такие выражения. Байлан тихо рассмеялся, поправляя брата на спине, чтобы тот не соскользнул.

— Ничего страшного.

Байлан разузнал, что в этой части леса есть геотермальные источники, и в самой глубине должно быть намного теплее. Снаружи еще царит суровая зима, но в самом сердце леса весна уже наверняка вступила в свои права. Дорога была трудной, машина бы здесь не прошла, да и редкий смельчак рискнул бы зайти так далеко — лишь узкая тропа, протоптанная опытными туристами, вела в чашу.

Байлан шел вперед, описывая Ци Цзю всё, что видел вокруг. Сборник изящных фраз не прошел даром: его описания больше не ограничивались скучным «как будто умерли». Волчонок наконец перестал упрячиться, отбросив мысль, что покой и радость возможны лишь после смерти. Ци Цзю был искренне рад этому прогрессу.

— Награждаю тебя.

— Спасибо, брат, — подыграл Байлан.

Он принял «награду»: красный лист, повисевший на ветке всю зиму и упавший прямо в ладонь Ци Цзю. Поскольку руки Байлана были заняты, он попросил брата спрятать лист в

карман своей куртки.

Байлан принялся декламировать Ци Цзю заученные строки. Он читал старательно, но из-за нехватки опыта мешал всё в кучу, описывая сразу все четыре сезона. Если бы Ци Цзю поверил его словам, он бы решил, что они идут по какому-то волшебному лесу, где весеннее цветение встречается с летним зноем и осенней прохладой. Ци Цзю не выдержал и тихо рассмеялся.

Голос Байлана совсем осип, и, услышав смех брата, он остановился.

— Брат?

— Очень красиво... — прошептал Ци Цзю. — Оставь меня здесь.

Байлан на мгновение потерял опору, едва не упав, но удержался.

— Вовсе не красиво, тут плохо, — возразил он. — Брат, я всё выдумал, просто читал стихи, чтобы тебя порадовать.

Он начал заикаться от волнения:

— Брат, пожалуйста, не сердись.

Ци Цзю знал это. Он не сердился, просто время вышло. Он гадал, как там дела у Системы — удалось ли ей найти ту самую крутую ворону. Он слегка ущипнул Байлана за щеку.

— Не сержусь. О чем ты только думаешь?

— Мой настоящий дом был где-то здесь, — произнес Ци Цзю. — Я не шучу. Я вырос в горном лесничестве и каждую зиму проводил в лесу.

Он слышал пение птиц, шорох листвы под ногами Байлана, чувствовал сухой морозный воздух — это место было точь-в-точь как его родные края. Дальше идти было опасно: в глубине леса теплее, и хищники наверняка облюбовали эти места для зимовки.

— Когда вернешься домой... — проговорил Ци Цзю. — Не закрывай окно до конца. Оставь щелочку.

Он поправил Байлану воротник куртки, застегнул пуговицу и ласково похлопал по груди. Байлан безмолвно покачал головой. Его тело сотрясала крупная дрожь; не слушая брата, он упрямо бросился в чащу. Он бежал к той призрачной весне, спотыкаясь и падая. Ци Цзю не винил его. Его рука лениво соскользнула вниз и легла Байлану на ребра. Туда, где билось его

сердце. Ци Цзю прикрывал его собой от ледяного ветра.

— Брат, — шептал Байлан. — Брат, еще немного... подожди еще чуть-чуть.

Он знал, как долго Ци Цзю держался ради него. Знал, как тот устал. Знал, что сам он — эгоист до мозга костей... Он всё знал.

Байлан бежал, не разбирая дороги. Он не знал, сколько времени прошло, не знал, сколько он пробежал и не иссякло ли терпение брата. Когда он в очередной раз рухнул на землю, перед глазами была уже не серая хвоя и не жухлая листва. Там была зеленая трава. Тонкие стебельки пробивались сквозь почву.

— Весна... Брат, весна пришла, — Байлан хрипло дышал, лишившись последних сил. Он опустил на землю. — Мы добрались.

Он сжал руку Ци Цзю, отчаянно пытаясь помочь ему коснуться этих нежных, новорожденных ростков. Но не смог. Не хватило пары сантиметров. Совсем ничтожное расстояние, но рука Ци Цзю так и не коснулась травы. Его пальцы, холодные и недвижные, застыли в полусогнутом положении.

Байлан медленно замер. С предельной осторожностью он опустил Ци Цзю на землю. Тот лежал в траве, едва приоткрыв глаза.

— ...Брат? — тихо позвал Байлан.

Он коснулся его волос, провел рукой по щеке. Такого холода он не чувствовал никогда — даже в самые страшные моменты их пути. И тогда Байлан всё понял.

— Ничего... я помогу тебе.

Но сначала ему нужно было отдышаться. Он бежал так долго, что легкие, казалось, превратились в угли. Байлан упал рядом. Опершись на локоть, он повернулся к Ци Цзю, жадно хватая ртом воздух и не сводя с него глаз. Дыхание не приносило облегчения, в глазах темнело... но в какой-то момент тело Байлана пронзила судорога.

...Он не мог забыть. Все эти дни, как бы слаб ни был Ци Цзю, он всегда находил силы мерно похлопывать его по спине. Этот ритм въелся в кости Байлана, и теперь, когда он был на грани обморока, его тело само вспомнило этот такт. Тот ритм дыхания, которому его научил Ци Цзю, заставил черную пелену перед глазами Байлана рассеяться. Он ожил — к своему собственному отчаянию.

Что ж, у него осталось еще несколько дел. Байлан не знал, когда именно Ци Цзю уснул и успел ли он увидеть весну.

— Брат, — позвал он. — Смотри.

Ци Цзю сдержал слово: он прошел с ним сквозь зиму и довел до первой травы. Байлан хотел сорвать этот росток и вложить в руку брата, но, коснувшись нежного листа, замер. Он не был добрым человеком, и судьба травинки его не волновала. Но это была весна Ци Цзю. Он не мог уничтожить то, что принадлежало брату. А Ци Цзю принадлежало всё в этом мире, включая самого Байлана.

Он убрал руку. С трудом подполз ближе, обнял Ци Цзю и принялся осторожно разминать его застывшие пальцы. А затем он накрыл руку брата своей, и вместе они коснулись весенней травы. Он дал Ци Цзю почувствовать весну.

Байлан отстранился, и в его пустых глазах наконец промелькнула тень улыбки. Он больше не будет бунтовать, не станет тревожить покой Ци Цзю. Им обоим нужно было отдохнуть. Байлан решил набраться сил; когда он сможет встать, он найдет для Ци Цзю самое красивое и уютное место. Он прижался лбом к его шее, намереваясь подремать совсем немного, прежде чем продолжить путь... Ему нужно было лишь короткое забытие. Он не спал уже много дней. Теперь спешить было некуда.

Подражая Ци Цзю, Байлан медленно потянулся. Он уже готов был закрыть глаза, когда внезапное чувство опасности заставило его вскинуться. Из лесной чащи бесшумно вышли несколько гиен; их глаза светились фосфорическим зеленым светом. Обычно эти звери не нападали на живых. Их целью... был Ци Цзю.

Эта мысль прошила разум Байлана острой болью, от которой давно не болела голова. Он смотрел на хищников, нащупывая в складках одежды нож и загораживая собой тело брата. Игнорируя нарастающий звон в ушах, он вперил в зверей взгляд, полный ледяной, нечеловеческой ярости.

— Брат, — прошептал Байлан, обращаясь к Ци Цзю. Он боялся, что тот услышит в его голосе радость. — Похоже, я скоро буду рядом.

Это вышло не нарочно, он знал, что Ци Цзю не одобряет такую жертвенность. Но у него не осталось сил. Он даст бой этим тварям, не позволит им коснуться брата... Он наверняка будет ранен, потеряет много крови. В такой глуши с такими ранами не выживают. Байлан старался не выдавать своего восторга. Опустив взгляд, он привычным жестом примотал нож к ладони обрывком ткани. Он видел, как вожак стаи припал к земле, готовясь к прыжку. Он тоже был готов.

Байлан крепко прижал к себе Ци Цзю, не сводя глаз с уродливого зверя. Уголок его рта едва заметно приподнялся в усмешке, когда вдруг мощный удар крыла наотмашь хлестнул его по лицу. Сила этого удара была столь знакомой, что Байлан застыл.

Дыхание перехватило. Дыра в груди, которую Ци Цзю так старательно латал, словно снова разверзлась, и запоздалая, жгучая боль захлестнула его. Байлан опустил взгляд на брата, коснулся его ресниц, век, переносицы и обескровленных губ. Его грудь мерно вздымалась. Он поднял растерянный взгляд.

Но еще больше были растеряны гиены, что замерли перед одиноким путником, готовясь к атаке.

...Небо над лесом почернело от тысяч ворон. Огромная стая птиц с иссиня-черным оперением, мощными клювами и острыми когтями обрушилась на весенний лес, скрывая под собой всё вокруг.

<http://bllate.org/book/16113/1589662>